«Знаменательный день. Сегодня официально начинается мой путь шиноби. Надеюсь, всё пройдёт хорошо» – подумал Кэзуки, сидя на кухне своего старого дома, доедая свой завтрак.

За те несколько месяцев, что успели пройти с его разговора с Аратой он успел переехать в новое жилище и даже хорошо обустроиться. Ну как обустроиться, дом был чистым, мебель целой и даже парочка цветов в горшках стояла на подоконнике. Кэзуки не знал, зачем он их купил, но их присутствие почему-то придавало в его глазах дому приятную привычную ему в прошлой жизни атмосферу, а это помогало ему расслабиться.

После тренировок с Шисуи, после каждой из которых он приходил домой усталый, как собака, Кэзуки заходил в дом и ощущал, как все проблемы исчезают, а грузные мысли растворяются в неспешном потоке. Тренировки, кстати, несмотря на малый срок, дали свои плоды. Сейчас Кэзуки не выглядел таким же тонким и хрупким, как ранее. Появились лёгкие очертания мышц, да и выносливости заметно прибавилось. Шисуи правда говорил, что в таком темпе, при поддержке чакры, любой стал бы физически сильнее нынешнего Кэзуки, но видимо существовала какая-то причина, которая не позволяла телу Кэзуки наращивать мышцы с высокой скоростью.

Самого Кэзуки это не сильно волновало, ведь даже при таком темпе роста он хорошо ощущал прибавку к объёму производимой чакры, а учитывая то, что даже в своём детском теле он вышел на уровень подростков своего прошлого мира, Кэзуки был реально счастлив.

Покончив с завтраком, Кэзуки быстро помыл посуду и, посмотрев на часы, закрыл дом и направился к академии шиноби, где через десять минут должна была начаться церемония, на которой должны были присутствовать все поступающие. Из рассказов Шисуи, Кэзуки узнал, что на церемонии будет присутствовать сам третий хокаге, который будет говорить речь о том, насколько важно быть хорошим шиноби и придерживаться воли огня, особенно в нынешние времена.

Кэзуки эта часть не очень интересовала, но видя увлечённо рассказывающего об этом Шисуи, он понял, что третий хокаге если и не является его кумиром, то точно значимой и великой личностью в его понимании. Кэзику и сам понимал, что обычный человек точно не сможет занять такой важный пост, особенно в подобном мире, но слушать обычную пропагандистскую байку о которой он уже несколько раз до этого читал в книгах, он не очень хотел, но пропускать эту часть не рекомендовалось, поэтому Кэзуки, сделав лёгкую разминку, побежал в академию.

Не потребовалось и семи минут для того, чтобы парень оказался перед академией. Скучающим взглядом осмотрев огромную толпу родителей и их детей, собравшуюся перед зданием, Кэзуки заметил чёткое разграничение на определённые блоки. В одном месте стояли члены клана Абураме, в другом Яманака, Хьюга ну и, конечно же, Учиха. Попытавшись найти среди представителей красноглазого клана своего друга, Кэзуки присмотрелся к ним, но в ответ на него глянуло как минимум человек десять, из-за чего он решил оставить эту идею и пойти найти хорошее место в теньке, потому что солнце пекло не по-детски, а по его воспоминаниям со школы подобные линейки длились долго.

Приземлившись под одиноким деревцем в далеке от площади с людьми, Кэзуки устроился поудобнее и стал ждать выступления хокаге, после которого должно было начаться распределение людей по классам. Линейка проходила стандартно: сначала на трибуну вышел директор академии и начал толкать свою речь, после некоторые из учителей со своими речами, другие чиновники деревни и так далее. Прошло около полутора часа прежде, чем на сцене, наконец, появился долгожданный старичок в широкой шляпе с иероглифом огонь на

ней. В этот момент все поголовно затихли, даже представители больших кланов по типу Хьюга и стали внимательно слушать его выступление. Задремавший Кэзуки тоже приподнялся и принялся слушать, что же такого скажет этот добренький на вид старичок с трубкой в руке.

—Дорогие студенты и их родители! Я очень рад видеть вас здесь…, – началась речь и с первых слов Кэзуки растерял весь интерес, а последующая часть ещё больше усилила скуку.

Третий хокаге без затей начал цитировать текст философии воли огня, местами прерываясь на то, чтобы напомнить поступающим и их родителям как важно любить свою деревню и, что в будущем каждый шиноби должен быть готов отдать свою жизнь на благо деревни. На места старых опавших листьев должны прийти новые, подпитывать огонь Конохи и всё такое. Честно говоря, Кэзуки понимал, что подобная идеология для подобного мира была довольно хороша, но умирать за интересы деревни и хокаге он не хотел от слова совсем. Говорить это окружающим людям он не собирался, потому что понимал, как это скажется на его карьере шиноби и отношении к нему, но если будет выбор: выполнить миссию и умереть или выжить, то он выберет второе. Дети же, как и их родители внимательно слушали эту своеобразную проповедь и было видно, что со всем они были полностью согласны – идеальные шиноби для деревни.

«А тут ещё и война идёт. Надеюсь, она закончится быстрее, чем я закончу академию, потому что отправляться на места боевых действий мне не охота» – почесал затылок Кэзуки, заметив, что речь закончилась и начали раздаваться крики учителей, сигнализирующие о том, что началось распределение по классам.

Затесавшись в толпу, Кэзуки стал прислушиваться к выкрикам учителей и ожидать, когда назовут его имя. После десятка выкриков со всех сторон и радостных восклицаний собравшихся детей, Кэзуки всё же услышал свои имя и фамилию. Посмотрев на мужчину с повязкой шиноби на лбу, вокруг которого стояло несколько клановых детей, Кэзуки молча вышел и присоединился к этой группе, разглядывая лица своих будущих одноклассников. Многие из них были примерно его роста и возраста, что не сильно его удивило, потому что он понимал, что клановые дети намного быстрее развиваются из-за специфического питания и тренировок в клане, благодаря чему могут быстрее поступить в академию. По сравнению с их группой, все остальные были практически на голову выше, на вид им было лет по восемь-девять, а это значительная разница. Почему Кэзуки угодил в класс к клановым детишкам он не сильно понимал, но это был ещё один звоночек, что с его поступлением в академию было что-то не так.

—О Кэзуки, ты тоже здесь! – к превеликому удивлению Кэзуки около него раздался знакомый ему голос, и, обернувшись, он увидел радостного Арату, махающего ему рукой. – А я всё думал в какой ты класс попадёшь. Хорошо, что мы вместе, а то я с ума сошёл бы, одному сидеть среди клановых.

По-новому взглянув на своего друга, Кэзуки сделал для себя ещё одну пометку в голове и, улыбнувшись, кивнул Арате. Увидев это, тот подбежал к Кэзуки и начал обсуждать с ним повседневные дела, о которых они обычно разговаривали ранее. Спустя несколько минут к этой двоице присоединился ещё один человек.

—Привет, Кэзуки, как дела? – приветливо улыбнулся Шисуи. – Это твой друг, о котором ты рассказывал? Меня зовут Шисуи, будем знакомы, – протянул он руку Арате.

—Я Арата Симидзу, друг Кэзуки из детского дома, – пожал он руку. – Что он там про меня рассказывал? – с весельем в голосе поинтересовался Арата, кидая провокационный взгляд на

Кэзуки, молча стоявшего рядом.

—Могу заверить, что только хорошее, – усмехнулся Шисуи. – Получается мы с тобой в одном классе, вот это удача, – посмотрел на Кэзуки Шисуи.

—Ага, – бросил короткий взгляд на других своих одноклассников Кэзуки, заметив их странные взгляды. – Надеюсь будет интересно.

—Я тоже, – кивнул Шисуи, посмотрев на других детей, отчего некоторые из них отвели взгляд.

Вскоре вся группа была собрана, и Кэзуки с товарищами, ведомый учителем, вошли в свой будущий класс. Рассевшись по местам, кто как хочет, дети затихли и посмотрели на мужчину, который был их учителем.

—Здравствуйте, дети, меня зовут Масаши Накагава, и я буду вашим учителем, – представился мужчина, заметив всеобщее внимание. – Я являюсь чунином нашей деревни и мне есть чему вас научить, но для начала я предлагаю всем вам представиться, после чего мы начнём наш приветственный урок, во время которого я расскажу вам чем вы будете заниматься в ближайшие несколько лет и, что вы должны будите уметь для того, чтобы стать настоящим шиноби Конохи.

—Я первый! – воскликнул Арата. – Меня зовут Арата Симидзу, я не из клановых, поэтому надеюсь не буду сильно от вас отставать.

—Отлично, – сказал учитель и посмотрел на следующего претендента.

—Я…, – пошла цепочка из детей, рассказывающих о том, кто они такие.

Когда очередь дошла до Кэзуки, он огляделся и осознал, что был последним. Поняв, что избежать этого не получится, он приподнялся и рассказал о том, как его зовут и, что он так же не из клановых. На этом представления закончились, и учитель начал рассказывать детям о том, чем они будут заниматься последующие несколько лет. Для начала он рассказал о том, что из-за идущей войны время обучения сократили на год, из-за чего уроки для нас будут более быстрыми, частыми и сжатыми. Масаши, как учитель, это не слишком одобрял, но понимал, что в нынешней ситуации людей не хватало и всё, что оставалось использовать такой метод для пополнения рядов.

После последовали слова об обычных предметах по типу письма, географии, математики и так далее. От осознания, что всё это ему придётся пройти заново Кэзуки готов был повеситься прям в классе, но быстро достал из своих воспоминаний фрагменты о том, как Наруто и другие дрыхли на уроках и понял, что он сможет потратить это время более продуктивно. Закончив с обычными уроками, Масаши намного более развёрнуто поведал ученикам о специальных занятиях, сконцентрированных на ниндзюцу, тайдзюцу и гендзюцу. Эти предметы намного сильнее интересовали Кэзуки, из-за чего он увлечённо слушал о том, что они будут проходить в будущем и, наконец, в чём будет заключаться их экзамен на генина. Оказалось, что всё, что нужно было сделать – пройти несколько тестов, по типу: «Используй вот эту технику» или «Примени вот этот приём». Были ещё и обычные теоретические тесты, но зная о том, как хороша стала его память после попадания в этот мир, Кэзуки совсем не волновался на их счёт.

Как только объяснения закончились, Масаши, практически без промедления, начал урок геометрии и физики. Взяв новую тетрадь и ручку, Кэзуки в начале притворился, что делает какие-то заметки и следит за ходом урока, но через десять минут молча лёг на парту и закрыл глаза. Спать он не спал и всё так же, в пол уха, слушал учителя, но окружающие дети и сам

учители подобного не оценили и странно на него зыркнули, продолжив урок, не обращая на него внимания. Масаши изредка прерывал урок и задавал дремлющему Кэзуки вопросы по той теме, которую они проходили, но несколько раз подряд услышав верные ответы, он прекратил это дело, поняв, что малец всё же слушает его и запоминает.

Таким образом проходило большинство последующих уроков, которых было немного немало аж семь штук, и каждый из них длился минут по сорок-пятьдесят. На уроках по ниндзюцу, тайдзюцу и гендзюцу, которые шли почти друг за другом Кэзуки прерывал свой «сон» и сосредоточенно вслушивался в слова учителя, жаль только пока что он не слышал ничего нового. Большую часть всего рассказанного он уже узнал из объяснений Шисуи на тренировках, а остальные мелкие детали, хоть и были полезны, большой роли не играли. Посмотрев на своего друга, Кэзуки никак не мог понять, почему тот сидел с таким довольным и счастливым лицом, он ведь не узнал ничего нового, возможно он даже уже узнал всю теорию, преподаваемую в академии.

«Учихи странные» – вспомнил слова Араты парень. – «Вот по ребятам из Хьюга сразу видно, что им всё это не интересно» – пробежался взглядом по белоглазым Кэзуки, хорошенько рассмотрев их постоянно недовольные всем подряд моськи.

Наконец, дождавшись пока все уроки закончатся, ученики попрощались с учителем и отправились по своим делам. Кто-то пошёл домой, кто-то гулять, Кэзуки же с Шисуи коротко переглянулись и направились на их ежедневную тренировку. Арата, заметивший их уход, мигом увязался за ними, постоянно пытаясь завести разговор с Кэзуки, почему-то старательно игнорируя Шисуи, лишь отвечая на его вопросы. Учиха не обращал на это внимание, как и Кэзуки, ведь всё их внимание было сосредоточено на предстоящей тренировке. Особенно юного Кэзуки тяготили мысли о физических нагрузках, через которые ему снова придётся пройти для того, чтобы стать слегка сильнее, чем раньше.

Поразительно, но оказалось, что Арата был намного сильнее и выносливее, чем казалось на первый взгляд. По оценкам Шисуи, он был процентов на сорок хуже него, а это можно было считать похвалой, учитывая тот факт, что парень, как и Кэзуки, был сиротой. Моральный дух второго это немного подбило, но он был даже рад тому, что его товарищ намного сильнее, чем он представлял, ведь чем Арата сильнее, тем меньше у него шансов помереть в случайной схватке на передовой.

Да, Шисуи поделился с двумя парнями информацией о том, что большую часть выпускников, почти сразу же отправляют за пределы деревни для участия в боевых действиях. Потери со всех сторон были велики, поэтому дыры закрывали подобным образом.

—Ты стал намного лучше, – похвалил Шисуи изрядно вспотевшего парня, из последних сил метающего кунаи и сюрикены в мишени. – Даже как-то боязно, скоро меня догонишь и чем тогда мне хвастаться перед тобой?

—Техниками? – приподнял бровь Кэзуки, замахиваясь для того, чтобы кинуть очередного кунай. – В отличии от тебя, я не могу даже по дереву ходить, не то, что огненным шаром в кого-то запустить.

—Я думаю ты быстро научишься, – покачал головой Шисуи. – Пока что у тебя просто мало чакры, из-за физической слабости. Когда ты восполнишь недостающую физическую энергию, запас твоей чакры будет неплохим и ты быстро меня нагонишь. Напомнить, что ты сам научился создавать и контролировать чакру?

—Не такое уж большое достижение, – сказал парень, вытаскивая кунаи из ствола.

—Отнюдь, – пожал плечами Учиха.

—Так, я что, один из всей компании не умею использовать чакру? – угрюмо поинтересовался Арата, прищурившись окинув взглядом двоих перед собой. – Не честно! Научите меня тоже! Я тоже хочу использовать мега техники! – изобразил он несколько движений, как бы подражая образу шиноби в его голове.

—За этим тебе к нему, – указал Учиха на усевшегося на земле Кэзуки.

—Ты давай стрелки на меня не переводи, – воспротивился парень. – Всё, что я могу сказать по этому поводу - почувствуй физическую и духовную энергию, после чего смешай их где-то в центре живота, где каналы пересекаются, образуя своеобразное хранилище.

—Легче сказать, чем сделать, – усмехнулся Шисуи. – Обычно провернуть такое самостоятельно почти невозможно. Всем начинающим шиноби чаще всего помогают Чунины или Джонины, которые вливают в их тела чакру и показываю, что и как нужно делать.

—Получается мне нужно попросить учителя Масаши? – поинтересовался Арата, приняв задумчивую позу.

—Я думаю он сам это сделает через пару уроков. Всё же новые шиноби нужны как можно быстрее, а чем раньше они научатся управляться с чакрой, тем легче им будет в будущем, – выдвинул предположение Учиха. – Хотя, если у тебя есть знакомые Чунины можешь попросить кого-нибудь из них помочь, – улыбнулся парень, понимая, что подобное очень маловероятно.

—Хм, – угрюмо хмыкнул Арата, наблюдая за продолжающейся уже несколько часов тренировкой. – И вы так каждый день занимаетесь? Неужели вам не надоедает? Давайте хоть погулять сходим в парк! – предложил он идею, которую два трудоголика восприняли весьма сомнительно.

—Давайте тогда после тренировки, вечером, – вздохнул Кэзуки, понимая, что отдых от подобного образа жизни и вправду не повредит. – Сходим в какой-нибудь ресторан, у меня как раз деньги есть.

—Вечером? – задумался Шисуи. – Неуверен, что у меня получится, но я постараюсь.

—Отлично! – вскинул руки вверх Арата, принимая позу победителя. – Тогда я жду вас на закате солнца у входа в парк! – крикнул парень, и попрощавшись с компанией, помчался по своим делам.

Тренировка продолжалась ещё час, после чего все разошлись по домам, плотно поели и хорошенько отдохнули. Кэзуки даже успел неплохо вздремнуть, так как темнело в предлетние времена поздно. Захватив с собой полторы тысячи рё, он натянул на себя чистую одежду, а затем вышел из дома, наслаждаясь вечерним пейзажем и атмосферой деревни. Повсюду бродили люди, возвращающиеся с работы или ищущие развлечений. Прохладный ветерок обдувал одетого в лёгкую чёрную футболку Кэзуки, который по приколу одел тонкую шапку. Она неплохо на нём смотрелась и к тому же прижимала значительно отросшие волосы, которые постоянно норовили залететь ему в глаза.